ДЕНЬ ВЪ КРОНШТАДТѢ.

Въ Тебѣ, въ Твоей жизни и Твоихъ пастырскихъ и общественныхъ подвигахъ святая старина слышится и видится...

(Изъ одной рѣчи, обращенной къ отцу Іоанну).

Около пяти часовъ пополудни подъѣхалъ я въ кибиткѣ къ дому „отца Іоанна“ въ Кронштадтѣ. Обширный четырехъ-этажный домъ, воздвигнутый въ 1891—92 г. усердіемъ почитателей глубокочтимаго Кронштадтскаго пастыря съ надписью „Домъ отца Іоанна“, входитъ въ составъ „Дома Трудолюбія“. Весь домъ Трудолюбія, такимъ образомъ, состоитъ изъ 2-хъ большихъ каменныхъ домовъ, надворнаго флигеля и разныхъ построекъ для хозяйства. Въ двухъ домахъ учреждены: церковь, пѣвческая, школа шитья и кройки, сапожная мастерская, народная столовая, хлѣбопекарня, классъ ручнаго труда, ночлежные пріюты, богадѣльни для престарѣлыхъ женщинъ, лечебница для приходящихъ, дѣтскій пріютъ на 50 человѣкъ, дѣтскій пріютъ на 30 мальчиковъ и дѣвочекъ, классы для мальчиковъ и дѣвочекъ на 250 человѣкъ, безплатная народная читальня, дѣтская библіотека, безплатная воскресная школа, народныя воскресныя чтенія, книжная лавка духовно-нравственныхъ книгъ для народа, рисовальные классы, дешевыя квартиры. Всѣми учрежденіями завѣдуетъ Совѣтъ Андреевскаго Попечительства. Всѣ эти учрежденія устроены по желанію отца Іоанна и на собранныя имъ средства.

При входѣ въ домъ отца Іоанна меня поразила чистота, опрятность и, если можно такъ выразиться, роскошь всей обстановки. Мнѣ казалось, что я попалъ въ перворазрядную гостиницу. Швейцаръ проситъ меня подняться въ бель-этажъ въ коптору. Въ конторѣ сидѣла

дама, которая спросила меня, желаю-ли я переночевать, и, на утвердительный отвѣтъ, приказала провести меня въ № 8. Мы прошли по большому „корридору. На дверяхъ я замѣтилъ подписи: общая зала для молебновъ, дешевая квартира, комнаты для почетныхъ посѣтителей. Номеръ восьмой оказался одной изъ этихъ комнатъ. Чистота и опрятность поразительная. Панели выкрашены масляной краской, комната въ одно окно, кровать съ пружиннымъ матрасомъ, безукоризненное постельное бѣлье, одѣяло, умывальникъ, два стола и нѣсколько стульевъ—вотъ вся простая, но въ высшей степени симпатичная обстановка комнаты. Въ углу образъ съ лампадкой, а подъ образомъ столикъ съ чашей для освященія воды. На стѣнѣ виситъ объявленіе, что за комнату слѣдуетъ уплатить въ контору 1 рубль, за свѣчку 10 к., за самоваръ съ принадлежностями 10 к., и что покорнѣйше просятъ роспишаться въ книгѣ при уплатѣ денегъ. Прислуга вѣжливая, скромная, услужливая. Мнѣ подали самоваръ; въ домѣ тишина; рядомъ со мной съ двухъ сторонъ дешевыя квартиры, и только слышно, какъ старушки, призрѣваемыя въ нихъ, кашляютъ и охаютъ.

Напившись чаю, я пошелъ на улицу посмотрѣть, гдѣ живетъ отецъ Іоаннъ. Былъ восьмой часъ, стемнѣло; меня поразило, что по тротуару безлюдной улицы, мало по малу, собирались кучки стариковъ, старушекъ и дѣтей. Всѣ молча становились въ ряды по панели, безъ шума и разговоровъ. Я подошелъ къ одной группѣ и спросилъ старую чухонку: „Что вы тутъ дѣлаете"?—„Ждемъ пособія отъ батюшки: въ восемь часовъ будутъ раздавать". Толпа все росла и уже сплошной стѣной растянулась за уголъ по улицѣ, на которой стоитъ „домъ Трудолюбія". Каждый вновь пришедшій становился въ рядъ; ни одного городоваго, ни одного дворника не видать; толпа чинно и спокойно ждетъ. Ровно въ 8 часовъ изъ дома отца Іоанна вышелъ человѣкъ съ фонаремъ и съ сумкой, подошелъ въ лѣвому флангу рядовъ, отсчитывалъ десять человѣкъ и выдавалъ деньги; получившіе немедленно молча расходились. Я разспрашивалъ присутствующихъ: оказалось, что ежедневно въ 11 часовъ утра и въ 8 часовъ вечера происходитъ раздача пособій нищимъ отъ „нашего батюшки", какъ зоветъ отца Іоанна простой народъ. Выдаютъ каждому отъ 3-хъ до 5-ти коп. Когда я вернулся въ свою комнату и изъ окна видѣлъ расходящуюся толпу, чувство благоговѣнія и сердечнаго умиленія овладѣло мною: такая картина простоты, теплоты, сердечности и истиннаго древне-христіан-

ского милосердія представилась мнѣ; сколько голодныхъ питаются щедротами отца Іоанна безъ всякаго униженія, безъ недовѣрчивыхъ разспросовъ, безъ попрошайничества! Кому нужно пособіе, кому холодно, кто голоденъ,—становится тихо, смиренно въ рядъ, и никому не отказываетъ щедрая рука любвеобильнаго пастыря. Сердце было полно христіанской любви и сострадания къ несчастной меньшей братіи и глубокаго благоговѣнія къ тому, къ кому со всей Россіи всѣ болящіе душой и тѣломъ стремятся открыть свою душу, глубоко вѣруя, что молитвы его принесутъ облегченіе!

Въ началѣ шестаго часа утра вышелъ я на улицу, спрашивая, гдѣ будетъ служба? Дворникъ мнѣ сказалъ, что служба предполагалась въ церкви „Дома Трудолюбія“, но что оказалось столько пріѣзжихъ, что зазвонили къ заутренѣ въ соборѣ, и что отецъ Іоаннъ будетъ тамъ служить. Дѣйствительно по мѣрѣ приближенія къ собору видно было, какъ изъ всѣхъ домовъ выходили богомольцы и направлялись къ собору. Внутри храма полумракъ, передъ образами горятъ свѣчи, народу много, всѣ благоговѣйно, безъ шума и суеты, входятъ, подаютъ записки, покупаютъ свѣчи, толпятся у просвирныхъ столиковъ. „Батюшка ужъ въ пять часовъ выѣхалъ, ѣздитъ по Кронштадту“, шепчетъ мнѣ сторожъ. Въ южномъ придѣлѣ началась утреня, служитъ старичекъ-священникъ. Меня пропустили въ главный алтарь. У жертвенника стоялъ отецъ Іоаннъ, передъ нимъ горитъ свѣча; онъ былъ углубленъ въ чтеніе писемъ; послѣ каждаго письма долго молится и наклоняетъ голову; въ алтарѣ тихо, сторожа ходятъ на цыпочкахъ, видимо, всѣ боятся потревожить всеобщаго молитвенника. Кромѣ меня въ алтарѣ стояло нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ пріѣзжій діаконъ. Долго продолжалась молитва отца Іоанна при общемъ благоговѣйномъ молчаніи, затѣмъ онъ подошелъ къ каждому изъ стоящихъ въ алтарѣ. Увидѣвъ меня, благословилъ сказавъ: „Старый знакомый, пріѣхали поговѣть“? И спросилъ его благословить меня исповѣдываться и пріобщиться св. Тайнъ.—„Исповѣдывать Васъ отдѣльно я не могу, я буду читать и пѣть на клиросѣ, а если хотите поподробнѣе, то я попрошу отца Андрея васъ исповѣдать, а то идите на общую исповѣдь“. Я рѣшился исповѣдываться со всѣмъ народомъ. Отецъ Іоаннъ подошелъ къ діакону, который просилъ дозволить ему служить съ нимъ литургію. Отецъ Іоаннъ сейчасъ же изъявилъ на это свое согласіе.

Соборъ былъ полонъ народу, но изъ алтаря казалось, что никого въ соборѣ нѣтъ: тишина и всеобщее молчаніе. Въ южномъ придѣлѣ шла служба. Отецъ Іоаннъ вышелъ на клиросъ, сталъ за причетника и началъ читать каноны. Кто не слышалъ, какъ читаетъ отецъ Іоаннъ за утреней и какъ поетъ съ дьячками, тому этого объяснять нельзя, до того это не похоже на обыденное чтеніе и пѣніе, до того это своеобразно. Въ восемь часовъ началась литургія. Кто видѣлъ отца Іоанна только на молебнахъ, тотъ не имѣетъ понятія о немъ. Надо видѣть его передъ Престоломъ, во время литургіи, чтобы вникнуть во всю глубину его священническаго подвига. Отецъ Іоаннъ молится такъ, что, глядя на него, вамъ становится ясно, что столько сердецъ обширной нашей родины глубоко вѣрятъ въ силу его молитвъ и обращаются къ нему въ дни скорби и печали.—Обѣдня кончилась. Отецъ Іоаннъ вышелъ на клиросъ, благодарилъ поющихъ, роздалъ имъ деньги,—это были случайные пѣвчіе, поющіе изъ усердія. Водворилась полная тишина, началось приготовленіе къ исповѣди.

Отецъ Іоаннъ вышелъ на амвонъ и сталъ лицомъ къ народу. Онъ прочелъ молитву передъ исповѣдью, въ которой упоминается о пророкѣ Давидѣ и подробно разсказалъ всю его исторію; затѣмъ прочелъ вторую молитву и разсказалъ исторію Царя Манассіи. Отецъ Іоаннъ говорилъ громкимъ, звучнымъ голосомъ и видимо рѣчь его лилась прямо изъ сердца, рѣчь не подготовленная, а прочувствованная въ данную минуту. Еще сердечнѣе и теплѣе звучалъ его голосъ, когда онъ перешелъ къ Новому Завѣту и съ умиленіемъ говорилъ о Всепрощающемъ Христѣ:—„Во времена Христа Спасителя легко было каяться, пришелъ, поклонился въ ноги Спасителю и вылилъ передъ Нимъ всю свою душу, умылъ слезами Его ноги, повергъ къ Его стопамъ всѣ свои болѣзни и печали и сразу получилъ облегченіе и прощеніе грѣховъ. Теперь не то, теперь труднѣе; надо вѣровать, надо каяться съ сокрушеннымъ сердцемъ, надо прибѣгать къ Его милосердію, надо плакать, надо обѣщать не грѣшить". Долго говорилъ отецъ Іоаннъ и все сильнѣе и сильнѣе бились сердца слушателей, все глубже проникали слова милосердія и покаянія; уже многіе плакали и сокрушались, а простыя женщины громко всхлипывали. Отецъ Іоаннъ прерывалъ свою проповѣдь, обращаясь къ рыдающимъ женщинамъ. „Подождите, не плачьте, я вамъ скажу, когда каяться; теперь слушайте меня внимательно". И женщины успокаивались, но нѣкоторыя тихо

плакали, видно очень тяжело имъ было на душѣ и очень радостно паконецъ услышать слова утѣшенія любимаго батюшки. А батюшка, все болѣе и болѣе трогаясь самъ, продолжалъ говорить о покаяніи, приводилъ примѣры изъ Евангелія, говорилъ о блудномъ сынѣ, о блудницѣ и остановился на кающемся разбойникѣ: „Многіе, думаютъ, что и они въ послѣднюю минуту жизни покаются; скажутъ: „помяни меня Господи во Царствіи Твоемъ" и этимъ спасутся. Нѣтъ, не разсчитывайте на покаяніе при послѣднемъ издыханіи; надо всю жизнь помнить Христа, слѣдовать Его заповѣдямъ и чаще прибѣгать къ слезному покаянію. Разбойникъ вамъ не примѣръ. Ему было все прощено за то, что онъ усладилъ послѣднія минуты Страдальца Богочеловѣка, усладилъ своей живой вѣрой, въ то время, когда Спаситель былъ окруженъ гонителями, когда человѣческая природа Его невыразимо страдала. Не сравнивайтесь съ нимъ, кайтесь, пока вы здоровы, пока живете. Я самъ, грѣшный и окаянный, когда каюсь, слезно прошу Бога простить мои беззакопія и неправды".

Не выдержали слушатели смиренной рѣчи любвеобильнаго пастыря: „Куда намъ до тебя, ты за насъ помолись",—раздавались со всѣхъ сторонъ голоса, полные слезъ и умиленія. „Я за васъ помолюсь, но и вы помолитесь, кайтесь, припоминайте всѣ свои грѣхи". И отецъ Іоаннъ громко началъ перечислять всѣ грѣхи и недостатки людскіе и, громко спросивъ: „кайтесь-ли и обѣщаете-ли стараться не грѣшить?",—произнесъ: „теперь кайтесь, просите прощеніе у Господа, припоминайте всѣ ваши прегрѣшенія". И весь народъ, всѣ присутствующіе начали громко молиться, рыдать и плакать. Ручаюсь, что ни одинъ изъ присутствующихъ не остался хладнокровнымъ, всѣ плакали и умилялись, а Онъ, всеобщій молитвенникъ и печальникъ, поднялъ руки и глаза къ небу и слезы ручьями текли изъ его глазъ и видно было, что онъ за всѣхъ страдаетъ, за всѣхъ проситъ у Всещедраго Господа прощенія и помощи, за всѣхъ, кто съ довѣріемъ обратился къ нему, кто изъ дальнихъ странъ нашей отчизны прибѣгнулъ къ его помощи во дни болѣзни и печали. Кто видѣлъ эту картину молитвы отца Іоанна передъ плачущей толпой, тотъ ее никогда не забудетъ и найдетъ въ ней нравственную поддержку и утѣшеніе во всѣхъ тяжелыхъ минутахъ своей жизни. Дѣйствительно, „святая старина слышится и видится" въ этомъ чудномъ общеніи пастыря Церкви съ своими духовными дѣтьми. Мнѣ кажется, что даже на человѣка невѣрующаго и скептика, но въ сердцѣ котораго

звенитъ поэтическая струна, картина общей исповѣди въ Андреевскомъ соборѣ произведетъ сильное, чарующее впечатлѣніе и не изгладится изъ памяти его.

Поднявъ эпитрахиль свою надъ народомъ, отецъ Іоаннъ растроганнымъ голосомъ прочелъ разрѣшительную молитву. Прочли правила, раскрыли царскія двери и отецъ Іоаннъ вынесъ чашу со Святыми Дарами. Всѣ присутствующіе пріобщились Св. Таинъ и отецъ Іоаннъ пріобщалъ самъ до 12-ти часовъ.

Я вернулся въ домъ Трудолюбія. Здѣсь уже все было приготовлено для молебствія съ водоосвященіемъ. Пріѣзжіе собрались въ общую залу. Въ часъ на рукахъ принесли по лѣстницѣ отца Іоанна. Онъ казался утомленнымъ, но увидѣвъ помощника своего по управленію домомъ, капитана 2 ранга Н. Н. Шемана, подошелъ къ нему и долго говорилъ съ нимъ о текущихъ дѣлахъ по дому. Затѣмъ вошелъ онъ въ общую залу, отслужилъ краткій молебенъ, освятилъ воду, окропилъ всѣхъ присутствующихъ и посѣтилъ комнаты пріѣзжихъ. Въ корридорѣ ждалъ его крестьянскій мальчикъ, лѣтъ пятнадцати; Н. Н. Шеманъ объяснилъ мнѣ, что мальчикъ этотъ четыре недѣли шелъ пѣшкомъ, чтобы дойти до батюшки; я пригласилъ его въ свою комнату. Совсѣмъ бодрымъ и безъ малѣйшей тѣни усталости вошелъ ко мнѣ отецъ Іоаннъ, остановился передъ мальчикомъ и спросилъ его: „Тебѣ что нужно отъ меня?“—Я къ тебѣ пришелъ, четыре недѣли шелъ пѣшкомъ, чтобы тебя повидать и попросить твоего благословенія.—„И для чего было приходить, да еще четыре недѣли пѣшкомъ по морозу? Совсѣмъ не надо было, у тебя на родинѣ есть священникъ, ты бы его просилъ тебя благословить“.—„Я твоего благословенія пришелъ просить, ты меня благослови“.—„Не надо было приходить издалека“.—„А ты меня благослови“,—все твердилъ мальчикъ. Отецъ Іоаннъ положилъ на его голову свою руку, мальчикъ просіялъ отъ радости. „Да благословитъ тебя Господь, а вотъ тебѣ на дорогу“, и отецъ Іоаннъ положилъ ему въ руку пять рублей, полученные имъ въ сосѣдней комнатѣ. Мальчикъ сконфузился. „А когда даютъ тебѣ деньги, то бери“.—А ты за меня помолишься?—„Помолюсь“, сказалъ батюшка, и мальчикъ исчезъ.

Не могу выразить, какъ тепло и сердечно отнесся ко мнѣ незабвенный батюшка, какъ радостно и просто исполнилъ онъ, о чемъ я его просилъ, и съ какимъ облегченнымъ сердцемъ уѣхалъ я изъ дома Трудолюбія. Поѣздъ изъ Ораніенбаума выходитъ въ три часа, надобно

было спѣшить, и я въ три четверти втораго выѣхалъ изъ Кронштадта. Почти одновременно со мной пріѣхалъ на станцію отецъ Іоаннъ и поѣхалъ въ Петербургъ. Въ Петербургѣ ждала его новая толпа, онъ сѣлъ въ карету и поѣхалъ къ страждущимъ и больнымъ Петербурга. Я просто изумился предъ его бодрымъ видомъ; онъ торопливо пробирался по вокзалу, окруженный всякимъ народомъ. Невидѣвшему его въ Кронштадтѣ и незнающему, какъ онъ провелъ день, въ голову не могло придти, что человѣкъ этотъ долженъ чувствовать усталось. Разсуждая по человѣчески, это не понятно, но для Бога ничего нѣтъ невозможнаго, и бодрый, свѣжій видъ отца Іоанна—одно изъ доказательствъ того, что въ сердцѣ его запечатлѣны духовные дары благодати Божіей, укрѣпляющіе его и дающіе ему силу и бодрость къ совершенію великаго подвига любви и милосердія.

Въ заключеніе монхъ воспоминаній о посѣщеніи Кронштадта привожу нѣсколько словъ, выраженныхъ помощникомъ отца Іоанна по дому Трудолюбія, Н. Н. Шеманомъ, по поводу празднованія юбилея отца Іоанна, въ 1891 году. „Величіе примѣра жизни отца Іоанна, его ученія и служенія для нашего отечества и неотразимая сила его обаянія на нашъ народъ, не въ томъ-ли заключаются, что онъ воплотилъ въ себѣ начала православной вѣры, духа и любви, которыя легли въ основу жизни русскаго народа, его духовнаго и гражданскаго строя и его исторіи?“ *(Русск. Паломникъ 1893 г. №№ 9 и 10).*